

В. К. ПЕТУХОВ

П. А. Ровинский как исследователь южнославянских литератур средневековья

П. А. Ровинский (1831—1916) обратился к славяноведению с первых шагов своей научной деятельности, в ту пору, когда оно еще было малоизвестной и малопопулярной областью филологии. Этот выбор он сделал еще будучи студентом Казанского университета под влиянием увлекательных лекций В. И. Григоровича. «Трудно было ожидать, чтобы при тогдашней скудности библиотечных средств было много охотников изучать „славянские наречия“, но охотники все-таки были: например, мое любопытство и любознательность в этом направлении встретились с такой же любознательностью моего старшего приятеля П. А. Ровинского», — вспоминает А. Н. Пыпин.¹ Однако жизненный и творческий путь Ровинского не был гладким, напротив, он изобилует неожиданными и драматическими поворотами. Закончив в 1852 г. курс обучения и получив место преподавателя Казанского университета, молодой и многообещающий ученый вдруг отказывается от занимаемой должности и осенью 1855 г. уезжает из Казани. Причина такого поступка крылась в революционной деятельности Ровинского, ставшего позднее одним из активных руководителей организации «Земля и воля».²

В последующие годы как корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» Ровинский посещает Чехию, Австрию и Сербию. В 1870 г. ученый едет в Западную Сибирь и Монголию, куда его влечет, очевидно, не только чисто этнографический интерес, но и некоторые политические соображения. Именно в это время друзьями Ровинского готовится побег с каторги Чернышевского, близким знакомым и духовным единомышленником которого он был с начала 50-х гг.³ Так или иначе эта поездка дала ученому богатый материал для написания ярких этнографических работ.⁴ В 1874—1878 гг. Ровинский работает в совершенно неожиданной для него должности — директора колонии малолетних преступников под Петербургом.

Дальнейшая деятельность Ровинского теснейшим образом связана с Черногорией, куда он приезжает в 1879 г. и где с незначительными пере-

¹ А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910, с. 38.

² Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, с. 322, 324, 327—328, 557—559; Е. В. Михайлов. Письмо А. А. Слепцова П. А. Ровинскому от 3 (16) апреля 1950 г. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 426—431.

³ См.: В. К. Петухов. К биографии П. А. Ровинского. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сборник статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969, с. 358.

⁴ Изв. Сибирского отд. РГО, 1871, т. 2, вып. 4—5; 1872, т. 2, вып. 4—5; 1872, т. 3, вып. 3, и т. д.

рывами живет в течение почти тридцати лет. В это время исследователь работает над фундаментальным трудом под названием «Черногория в прошлом и настоящем» (т. I—III, 1888—1915), который ему, к сожалению, не удалось окончить и полностью опубликовать. Ряд фрагментов работы дошел до нас лишь в рукописном виде. Приблизительно в это же время, в конце XIX—начале XX в., появляются многочисленные статьи и заметки Ровинского о Черногории и южных славянах вообще.

Среди славяноведческих работ Ровинского несомненный интерес, безусловно, представляют его статьи о славянских литературах древнего периода. К сожалению, многие из его работ, например статьи по древнесербской литературе, опубликованы в труднодоступных изданиях и поэтому почти не встречаются в научном обороте.

Живой интерес к медиевистике пробудился у Ровинского уже в самом начале его научной деятельности. В одном из своих писем к А. Н. Пыпину (15 XII 1868) в период первого посещения Сербии Ровинский писал: «Кой-какой материал я оставил у себя — это разные сказания вроде житий святых и грешных, в которых я вижу зародыш светской повести. Если познакомлюсь побольше с этой литературой, то составлю, может быть, о ней этюд вроде характеристики сербской образованности в старое время, что, я думаю, будет небезынтересно, особенно если провести параллель между этой культурой и характером византийским и культурой других славян, развивавшихся под влиянием римско-германской культуры».⁵

Ровинский занимался также и разысканием рукописных памятников средневековья. В Черногории, веками отстаивавшей свою независимость от турок, венецианцев и других иноязычных захватчиков, мало что сохранилось из рукописного богатства, так как в ней, по образному выражению П. А. Ровинского, «шрифты из типографии были перелиты в пули, а много бумаг и пергаментов употреблено на приготовление патронов»; в одной из своих специальных статей ученый дает краткую характеристику сохранившихся материалов.⁶

В другой своей работе Ровинский обращается к теме богомилства и поднимает важную для своего времени проблему всестороннего изучения сектанства. «Как сектанты они (богомилы, — В. П.) теряют почти всякий интерес, потому что сливаются со всеми сектантами того времени. Но боснийские сектанты действовали на почве социальной и политической. Эта сторона, и по-моему самая главная в истории народа, совершенно упускается из виду исследователями». Далее Ровинский приводит два народных предания о богомилах и, опираясь на реальные факты исследования, дает описание ряда древнейших каменных памятников (не являвшихся римскими и не отмеченных знаками христианства), во множестве сохранившихся на сербских землях Балканского полуострова. Завершает он свое исследование словами: «Может быть. . . мне удастся собрать несколько преданий и фактов, которые дадут возможность составить себе понятие о бытовой стороне этой секты, о ее общественных отношениях и культурной роли более верное, чем какое дают о ней враждебные ей писатели-полемисты и целая литература отреченных книг».⁷

Определенную научную ценность представляют и мысли П. А. Ровинского по поводу первой в истории южнославянской письменности типографии. Деятельности этой типографии посвящена работа Ровинского,

⁵ РО ГПБ, ф. 621, № 722, л. 8.

⁶ П. А. Ровинский. О современном состоянии письменных памятников в Черногории. — ЖМНП, 1883, № 10, с. 56—65.

⁷ П. А. Ровинский. Материалы для истории богомилов в сербских землях. — ЖМНП, 1882, № 3, с. 32—51.

вышедшая отдельной брошюрой на сербском языке; ⁸ она посвящена изданной кириллицей книге «Октоих», четырехсотлетие которой отмечалось в 1893 г. большими торжествами в Черногории. На первой печатной книге стоит лишь год издания (1493) без указания места, и поскольку на изданной двумя годами позже Псалтыри было указано Цетинье, предполагалось, что обе книги печатались в Цетинье или Венеции. Однако Ровинский высказывал мнение, что местопребывание типографии в Цетинье не подтверждается «ни историей, ни народными преданиями». Легенды связывают типографию с Ободом, расположенным неподалеку от Цетинье; так даже были обнаружены следы здания, которое, по преданию, считается развалинами типографии. В конце XIX в. на этом месте располагалась школа, существовавшая уже около половины столетия; ее ученики и учителя М. Джурича и Ст. Чутурича не раз находили на территории школы старинные типографские шрифты. Сам Ровинский, занимавшийся раскопками на месте предполагаемого нахождения типографии, натолкнулся на следы старинной кладки. Принимая во внимание все эти находки и народные поверья о месте пребывания типографии, а также отсутствие таковых доказательств в пользу Цетинье или какого-либо иного города, Ровинский высказал предположение, что типография находилась именно здесь, в Ободе. Цетинье же было указано в качестве места, где издавались книги только потому, что это была столица и там находился царствующий дом. (Такой обычай перенесения места печатания был принят и в других изданиях). Подвергнув сомнению то, что Цетинье было местом появления первой печатной книги, и выдвинув достаточно аргументированный довод в пользу Обода (ныне Река-Черноевича), Ровинский сделал также предположение о возможности более раннего появления кирилловских печатных книг в Ободе или Венеции.

Продолжая активно заниматься поиском и изучением рукописных материалов, русский ученый ввел в научный оборот южнославянскую версию «Повести о Скандербеге». В библиотеке при Цетинской митрополии Ровинский была обнаружена рукопись объемом в 81 полулист, отнесенная им к середине XVIII в. Исследователь дал палеографическую характеристику найденного сборника, в котором в числе прочих материалов имела «Повесть о Скандербегу Черноевичу во святом крещении нареченном Георгию». Спустя несколько лет Ровинский снова обращается к «Повести», привлекая к изучению новый ее список второй половины XVII столетия, находящийся в Публичной библиотеке и приобретенный на Афоне, и высказывает соображение, что основой для этого произведения послужили извлечения из книги Барлетия. Новый список «Повести» отличается от предыдущего «сербским языком, вполне народным, богатым оригинальными формами и конструкциями, а также и в лексическом отношении, но в нем недостает множества листов (около половины). Цетинский же экземпляр в этом отношении имеет преимущества, потому что полный». ⁹ Чуткий текстолог, Ровинский считает, что при публикации в основу следует положить список Публичной библиотеки, а цетинским пополнить недостающие места и поместить имеющиеся варианты. При этом он указывает на возможность участия в сербской версии материалов, основанных на народных преданиях: «. . . песни о Скандербеге можно и теперь услышать в Черногории». ¹⁰

⁸ П. А. Ровинский. Ободска штампарија на Риједи Црнојевића у Црној Гори. Цетинье, 1893.

⁹ П. А. Ровинский. Предисловие к публикации «Записки Венецианскому сенату о заслугах черногорцев». СПб., 1882, с. I—VIII (ПДП).

¹⁰ П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. I. СПб., 1888, с. 410—415, 704—708.

П. А. Ровинский занимался также изучением сербских хронографов и хроник, и здесь наиболее интересна его работа, относящаяся к хронографу М. Милорадовича, найденному им в монастыре св. Луки в Черногории. Ученый дает подробное описание сборника и приводит записи, которые доказывают, что Хронограф был переписан в 1715 г. в Москве в доме Михаила Милорадовича, а в Черногорию доставлен в 1735 г. На основании подробного анализа рукописи и существовавшей в это время литературы вопроса исследователь возводит список к редакции Хронографа 1512 г., дополненной рядом статей, в частности — о Полтавской битве.¹¹

П. А. Ровинскому принадлежит, по нашему мнению, основополагающее для его времени и не потерявшее значения до сего дня исследование «Летописи попа Дуклянина», или «Барской летописи», бывшей «систематическим изложением истории сербо-хорватского народа со времени поселения его на Балканском полуострове и до середины XII века».¹² Это сочинение анонимного автора, безусловно славянина, дошло до нашего времени в латинском переводе XIV в. С начала XVI в. оно привлекает внимание различных исследователей и ученых. И до сего времени первые страницы истории Сербии пишутся на основе сведений, почерпнутых из «Барской летописи». Однако из-за ряда ошибок и путаницы в изложении уже известных фактов и событий памятник считается малоинтересным. Касаясь этого вопроса, Ровинский справедливо отмечает, что «все исследователи и критики рассматривают его (этот памятник, — В. П.), не принимая во внимание того, что у них в руках перевод, а не оригинал, и не задаваясь вопросом, вполне ли этот перевод отвечает оригиналу». Ученый стремится провести исследование текста таким образом, чтобы выделить все привнесенное переводчиком и переписчиком, и лишь после этого переходит к рассмотрению самого содержания памятника, который он относит к значительным явлениям литературы XII в.

Это исследование было последним трудом Ровинского, опубликованным спустя несколько недель после его кончины. Над ним он работал последние дни своей жизни, о чем свидетельствуют следующие мужественные и деловитые, несмотря на трагическую минуту, строки письма к А. А. Шахматову (20 XI 1915): «Сделанный мною перевод (сербской хроники) из гранок на сверстанные листы устраняет необходимость в чтении рукописи, поэтому считаю возможным произвести дальнейшую корректуру кому-либо другому. Могут, однако, встретиться недоумения, с которыми прошу обратиться ко мне, и я их исполню, так как для мелких исправлений не потерял еще способность».¹³ Приведенные слова приобретают особое звучание, если знать, что в том же письме П. А. Ровинский просит А. А. Шахматова подписать его завещание в качестве свидетеля.

Упоминанием этой последней работы П. А. Ровинского, явившейся как бы итогом изучения им славянского средневековья, мы заканчиваем краткий и далеко не полный обзор деятельности выдающегося русского ученого-славяноведа.

¹¹ П. Р о в и н с к и. Рукописни сборник Михаила Милорадовића.— Летопис Матице српске, 1895, књ. 181, с. 40—67; књ. 182, с. 75—87; књ. 3, с. 110—118.

¹² П. А. Р о в и н с к и й. Сербская хроника в латинском переводе второй половины XII столетия.— Изв. ОРЯС, 1916, кн. IV, с. 1—68.

¹³ Архив АН СССР, ЛО, ф. 134, оп. 3, № 1286, л. 90.